

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *П. Петрова*

Рубина, Дина.

Р82 Единственный голос : роман / Дина Рубина. —
Москва : Эксмо, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-04-108380-9

В любовной прозе Дины Рубиной, как и в жизни, возвышенное соседствует с бытовым. Но любовь при этом не девальвируется, не опошляется, не исчезает под грубым натиском действительности. Уживается. И если бунинский «солнечный удар» убивает, то рубинские «солнечные лезвия» ранят смертельно, но погибнуть не дают — обрекают на испытание. На всю оставшуюся жизнь.

В рассказах Рубиной на эту тему нет экзальтации, даже когда страдание героев неподъемное. В галерее пишущих о любви Дина Рубина — один из самых честных и мужественных писателей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108380-9

© Рубина Д., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДАВНО ЭТО БЫЛО...

Цикл коротких новелл «Несколько торопливых слов любви» начался с того, что моя мама, как и любой хороший рассказчик, любящий повторять свои истории не однажды, принялась в пятый раз рассказывать о двух подругах юности, переживших несчастную — каждая по-своему — любовь. Я и сама не люблю, когда меня перебивают идиотским замечанием, что уже слышали эту историю, поэтому терпеливо дослушала мать до конца.

Как известно, счастливая любовь в литературе еще никогда никого не интересовала.

И когда западные издатели уверяют, что читатели предпочитают «хеппи-энд» в финале книги, я готова с этим согласиться. Но не полностью. Возможно, смерть героя действительно претит массовому читателю. Возможно, в конце милосердный читатель предпочитает видеть героя живым и умиротворенным. Но уж до того герой изволь-ка

ДИНА РУБИНА

пострадать, да вывалиться в грязи и насаде, да извести море слез, а лучше крови, изволь-ка разбить кому-нибудь сердце, а затем, лет через двадцать, встретить первую любовь и ощутить себя глубоко несчастным. Короче: литературный герой должен пострадать, иначе он никому не нужен.

В обеих рассказанных мамой историях наличествовала любовь сильная, драматическая, в чем-то похожая одна на другую... Ситуации только были совершенно противоположными, даже парадоксально иными... И в какой-то момент (никто не может сказать — почему и как это случается) я почувствовала, что они просят литературного воплощения. Я села и написала короткий рассказ, поделенный на две части, и назвала его «Такая долгая жизнь».

В работе литератора, который пишет романы и повести, подобное событие большого значения не имеет. Рассказ остался лежать «до случая» — то есть до выхода следующего сборника мелких вещей.

Но произошло вот что: на эти коротенькие истории любви, как на магнит, стали слетаться другие любовные истории. Как будто стая птиц собиралась, чтобы совершить долгий перелет в неизвестные края.

В самый неожиданный момент какая-нибудь моя подруга, или давний приятель, или даже едва

ДАВНО ЭТО БЫЛО...

знакомый человек, взяв с меня слово изменить в книге имя, название города или даже страны, вдруг рассказывали мне истории своих юных или недавних любовей, торопясь, смущаясь и оправдываясь тем, что больше не могут держать их в себе. Каждая из этих историй была достойна литературы. Я лишь дивилась способам, к которым прибегает судьба, которой зачем-то необходимо, чтобы были написаны те или другие литературные произведения.

И они были написаны: стая коротеньких рассказов, изложенных намеренно просто, повествовательно — как обычно рассказывают свою историю ночью попутчику в купе поезда. Я и свои две истории наконец достала со дна души — не скажу какие. Давно это было — когда я жила взахлеб, торопясь, выговаривая главные слова так, будто они обжигали губы... И когда дописала — стая рассказов поднялась в воздух и полетела. Она до сих пор парит — высоко, где-то у меня за спиной. Я не оглядываюсь, не перечитываю их, просто чувствую невесомый мах далеких крыльев...

Дина Рубина

НЕСКОЛЬКО
ТОРОПЛИВЫХ СЛОВ
ЛЮБВИ

ОБЛАСТЬ СЛЕПЯЩЕГО СВЕТА

Она опоздала к открытию международной конференции, о которой должна была дать материал в «Вестник университета». В зале было темно: докладчик показывал слайды, слева от светящегося экрана угадывался смутный силуэт, и голос бубнил — запинаящийся высокий голос легкого заики.

Когда глаза привыкли, она спустилась по боковому проходу к сцене и села в кресло второго ряда.

«Вот, опоздала... — думала она, безуспешно пытаясь вникнуть в какую-то схему на экране, — из выступлений на открытии можно было бы сострять материал, теперь же придется высидеть несколько докладов вроде этой тягомотины. И где раздобыть программу, чтобы как-то ориентироваться в темах и именах; кто, например, этот зануда?»

Показывая что-то на экране, докладчик слегка подался вправо, и в области света неожиданно воз-

никло лицо, вернее, половина лица, всегда более выразительная, чем банальный фас: высокая скула, правильная дуга брови и одинокий, нацеленный прямо на нее, молящий о чем-то глаз. Несколько секунд рассеченное лицо персонажа мистерии качалось и смотрело, смотрело на нее с пристальной мольбой, затем отпрянуло и погасло...

Этот мгновенный блиц лунного полулица ослепил ее такой вспышкой любовной жалобы, словно ей вдруг показали из-за ширмы того, кого давно потеряла и ждать уже зареклась.

Она отшатнулась и слепыми руками стала ощупывать ручки кресла, будто надеялась ухватить смысл того, что с ней сейчас стряслось. И несколько минут пыталась унять потаенную дрожь колен, бормоча: «Да что это!.. Да что ж это, а?!», пока не поняла, что бессильна, что уже не имеет значения, кто он, чем занят, свободен или нет и куда исчезнет после того, как в зале зажжется свет.

Зажегся свет, объявили перерыв.

Он оказался невысоким неярким человеком средних лет. Все это не имело уже никакого значения, как и ее удивление по поводу его скромной внешности, столь отличной от того трагического полулика, что был предъявлен ей в темноте.

Она подошла туда, где его обступили, уточняя и доспоривая по докладу, коллеги, задала спешно слепленный вопрос. Он рассеянно кивнул ей, договаривая что-то маленькому толстяку аспи-

ОБЛАСТЬ СЛЕПЯЩЕГО СВЕТА

ранту, и вдруг резко оглянулся, ловя обреченным взглядом ее лицо. Она пошла к выходу, спиной чувствуя, как торопливо складывает он в папку материалы доклада, ссыпает слайды в пенал и бросается следом.

И с этой минуты все покатилося симфонической лавиной, сминающей, сметающей на своем пути их прошлые чувства, привязанности и любви — все то, чем набиты заплечные мешки всякой судьбы...

Он нагнал ее в фойе, у гардероба:

— Простите, н-не расслышал ваших...

— Неважно, я только хотела уточнить...

— Позвольте, я п-помогу вам пальто...

— Да не надо, спасибо, нет, постойте, там шарф в рукаве, шарф...

Ее растерянные руки, не попадающие в рукава поданного им пальто, и его беспризорные руки, неловко коснувшиеся (ах, простите! — обморочное оцепенение обоих) ее груди...

Если она не торопится, он мог бы ответить на ее вопрос о...

К сожалению, она торопится, очень, абсолютно неотложное дело: обещала сегодня матери исправить подтекающий кран на даче...

— Кран?! Да я сейчас же... Господи, какие п-пустяки! Я мигом все устрою.

— А у вас есть?.. — (робко-счастливо).

— Время? Н-ну, сколько это займет?

ДИНА РУБИНА

— Да не меньше двух часов.

— Какие пустяки!

Затем — минут двадцать в тамбуре гремящей электрички: отрывистые, сквозь железнодорожный грохот, возгласы и его глаза с припухшими, словно калмыцкими веками — одуряюще близкие, когда его бросает к ней на стыках рельсов...

Далее — пятнадцатиминутный пробег по обледенелой поселковой дороге к заглохшей на зиму даче, возня с замком, не желающим сдаваться замерзшему ключу в ее пляшущих пальцах, и его прерывистое:

— П-позвольте уж мне... все ж, какой-никакой, мужчина...

Наконец замок побежден, дверь со скрипом отверзлась, они ввалились на застекленную веранду, где немедленно он обнял, как-то по-детски обхватил ее, судорожно всхлипнув...

Ну, и так далее...

Воспользуемся же хрипло задыхающейся паузой для краткой биографической справки.

Он: доктор наук, историк, специалист по хазарам, автор двух известных книг, женат, две дочери — семнадцати и двенадцати лет.

Она: журналист, автор сценариев двух никому не известных документальных фильмов, два неудачных брака, детей нет, сыта по горло, оставьте меня в покое...

ОБЛАСТЬ СЛЕПЯЩЕГО СВЕТА

И как подумаешь — что за радость в этих случайных всплесках незнакомых судеб, в мерзлых, не убранных с лета простынях на дачном топчане, в прикосновениях ледяных пальцев к горячему телу! В нашем возрасте от постельных сцен требуешь наличия по крайней мере приличной постели. Так ведь и простудиться недолго...

Кстати, бешеный подростковый озноб, сотрясавший обоих, был скорее температурного свойства. Выяснилось, что заболели оба — в те дни по Москве гулял заморский вирус.

— Горло сохнет, — сказал он, морщась, — где тут кран?

— На кухне...

Он поднялся, по-старушечьи накинув плед на плечи, побрел в кухню.

— Действительно подтекает! — крикнул оттуда.

После чего кран был забыт навеки и подтекает, вероятно, до сих пор. Вернувшись, минут пять стоял в проеме двери, глядя, как она лежит в бисере пота, в области слепящего зимнего света, бьющего через окна веранды.

Когда спустя часа два наконец оделись и вышли, он сказал:

— Через неделю я уезжаю...

Они стояли на платформе в ожидании электрички. Поодаль прогуливалась пожилая тетка с линялой изжелта болонкой.